

**Человек на войне: особенности социализации
(по материалам автобиографии участника
Великой Отечественной войны)**

Тема войны является распространенной в современном российском дискурсе. И это понятно. Сначала афганская, потом чеченская, а теперь и война с международным терроризмом (не говоря уже о призывах к войне с коррупцией, преступностью и т. п.) – факты истории СССР и России последних десятилетий. В такие события непосредственно втягивается значительная часть молодого активного мужского населения страны. А опосредованное влияние оказывается на всю нацию в целом (в том числе и через солдата, возвращающегося к мирной жизни). Сегодня обществом осознается как серьезная проблема адаптация солдат-участников этих войн к условиям мирной жизни.

Передо мной лежат 8 тетрадей-дневников. Это 900 рукописных страниц, 708 из которых посвящены Великой Отечественной войне. С их автором – Борисом Николаевичем Просвириным, ветераном Великой Отечественной Войны, мы познакомились на праздновании 60-летия освобождения г. Орла от фашистских захватчиков 5 августа 2003 г. Он приехал из Белоруссии, но дальняя дорога, казалось, совсем не утомила его. Поражали оптимизм, ясность ума, жизненная энергия, исходившие от этого человека. А через полгода у меня в руках оказались воспоминания Бориса Николаевича.

Взяться за социологический анализ данного уникального материала, кроме чисто профессионального интереса, меня побудили несколько причин: во-первых, нравственный долг (как бы это высокопарно не звучало) перед миллионами погибших и оставшимися в живых фронтовиками, в том числе и перед воспитавшем меня дедом; во-вторых, возможность увидеть войну из окопа и услышать голос Солдата (согласитесь – достаточно редко встречаемая возможность); в-третьих, надежда, что обращение к этим искренним строкам, возможно, поможет нам лучше понять и принять молодых мужчин, прошедших Афганистан и Чечню.

В недавней телепередаче меня поразила фраза одного из них: «Чтобы сегодня жить, я запрещаю себе вспоминать о том, что было на войне...». Наверное, не случайно воспоминания Бориса Николаевича написаны через много лет после пережитого – тетради датированы 1987-1995 годами. Целью данной работы является анализ процесса социализации солдата на войне. Основным инструментарием является качественный биографический метод, принципы и особенности которого изложены в ряде работ западных и отечественных социологов.

К началу военной карьеры молодой человек представлял собой целостную, верную определенным принципам и идеалам личность, имеющую развитую систему духовных потребностей и ценностей, обладающую упорством и волей в достижении поставленных целей. Путь на фронт лежал у Бориса Николаевича через Пермское минометно-пулеметное училище, курсантом которого он становится после призыва в армию. Переход из гражданской жизни в армейскую не был в то уже далекое для нас время, по всей видимости, столь резким как, например, сегодня. Косвенным подтверждением вышеуказанного предположения является то, что в биографии ветерана отсутствует упоминание об адаптации молодого человека к новой непривычной среде. В данной работе мы будем употреблять термин «адаптация» как составную и завер-

шающую часть социализации. Такой подход, изложенный К.В.Рубчевским, имеет, как нам кажется, серьезный эвристический потенциал Борис Николаевич начинает свой рассказ об армии с момента прибытия его полка в прифронтовой город Елец.

На процесс социализации любого человека оказывают влияние множество факторов. Война в этом ряду является мощнейшим по своей значимости явлением. Человек, попавший на фронт, должен адаптироваться к новым военным реалиям, для которых характерно наличие постоянной угрозы жизни, плена (что зачастую воспринималось солдатами хуже смерти). Он должен приспособиться к природным условиям (ведь жизнь на фронте протекает в основном под открытым небом без перерывов на стужу и непогоду); должен выстроить свои отношения с товарищами, офицерами и тому подобное.

Фронтовая жизнь начинается для Бориса Николаевича весной 1943 г. Война к тому времени шла уже почти два года. Позади сражение за Москву и Сталинградская битва. Это была уже *другая* война, но от этого не ставшая менее кровавой и опасной. Человек, попавший в орбиту войны, вовлекается в новые для него социальные взаимодействия, осваивает новые роли, подвергается ревизии имеющуюся у него иерархию ценностей и норм. Удачная социализация невозможна без их освоения. «Не от одного воина, а они трусами не были, пришлось слышать: - Готов за 400 г хлеба в тылу работать по 12 часов полупудовым молотком». Нормой гражданской жизни является библейское «Не убий!». Здесь же человек должен эту норму преступать. Преступить социальную норму, ставшую общечеловеческим табу – серьезное испытание для любой личности. Причем, чем более успешно социализирован человек в мирной жизни (чем сильнее на него действуют социальные запреты), тем труднее ему сделать первый выстрел. Борис Николаевич не пишет о своих душевных муках по этому поводу. Война идет уже два года, погибли миллионы наших соотечественников (скорее всего, получены похоронки и родными солдата). Итак, на уровень сознания данная проблема не выносятся, но подсознание пытается разрешить существующее противоречие. Свидетельством этого, как нам кажется, является восприятие немцев как представителей ИНОГО мира.

«Не верится, что немцы дошли сюда, а за этой проволокой и этими вышками начинается иной мир»; «Кое-где видны немцы... На них смотрим как на инопланетян, пришедших сюда из другого мира». Таким образом, перед нами, по всей видимости, пример своеобразной психологической защиты: здесь убивать можно, так как война идет с *иным*, другим (нечеловеческим) миром.

Под воздействием войны развиваются и становятся более зрелыми самосознание и самооценка. Одним из элементов самосознания является познание человеком самого себя. В экстремальных условиях военных действий процесс самопознания интенсифицируется. Здесь человек за дни и недели узнает о себе гораздо больше, чем за годы, а то и десятилетия, мирной жизни. Можно ли выдержать невероятные эмоциональные и физические перегрузки? Способен ли ты преодолеть страх? Удивляясь самому себе, Борис Николаевич вспоминает: «Перестреливаясь с фашистами, ожидали своих часа четыре. Когда пришли наши, капитан Бреханов сказал, чтобы отдыхал 5 часов. Ведь мне не пришлось спать – не считая минут, секунд, когда организм сам отключался – на ходу, лежа под обстрелом и канонадой – около 7 суток. Где была книга Гиннеса?»

Одной из серьезных духовных ценностей практически любого человека является *дружба*. Не является в этом исключением и Борис Николаевич. В условиях войны дружба приобретает особое значение. Друг в отсутствии род-

ных становится самым близким человеком. Он поможет, подставит плечо, вынесет с поля боя. Он рядом весь тот срок, который отпущен судьбой. В обычной жизни люди, как правило, не сразу с кем-то сближаются. Вначале пристально присматриваются друг к другу, пытаются понять и оценить. Таким же образом складывается дружба у Бориса Николаевича в училище со своим однокурсником.

На фронте долго присматриваться к человеку нет возможности. Наверное, в такой ситуации солдат не столько рассуждает, сколько верит своей интуиции. И, по всей видимости, редко ошибается. По крайней мере, автор ничего об этом не пишет: «Здесь искреннее общение, очень быстро дружишься. Эта дружба на минуты, часы, сутки. Как судьба. Замечаешь главное, оно не бросается сразу – готовность ко всему, в том числе к выручке и самопожертвованию». *Взаимовыручка* относится к тем социальным качествам, которое всегда очень высоко ценилось в нашей национальной культуре. Особое значение это человеческое качество приобретает в условиях войны: «...ползая, проверяю, кто из моих разведчиков жив. А кадровый воин, лет на пять старший, строго: - Ты что лазишь, хочешь пулю схлопотать у фрица? Окапывайся! – У меня лопатки нету! – Эх ты, иди ближе ко мне, вот лопатка! Инструмент пехотинца, но, главное, этот старший воин выручили и моих товарищей».

Наиболее ярко взаимовыручка проявилась в таком повсеместно распространенном правиле как обязательная помощь раненым. На войне многие социальные нормы становятся «прозрачными». Они теряют свою условность и некоторую отстраненность, предельно обнажая (выявляя) сущностную основу. И, видимо, как бы это парадоксально не звучало, люди в некотором отношении становятся более нравственными. Происходит это отнюдь не из-за того, что война облагораживает души. Поступать на передовой в соответствии с нормами морали оказывается просто выгодно. Каждый понимает – в следующее мгновение он может быть ранен сам, и тогда ему тоже помогут. Помощь раненым – настолько органичный и естественный поступок для Бориса Николаевича и его товарищей, что это даже не обсуждается: «На обратном пути, в 250 м от врага нашли в поле раненого два дня назад нашего солдата с запекшимися черными губами. На плащ-палатке по траве притянули к себе»; «Раненых, даже изредка немцев – контрольных пленных – перевязывали. Если была возможность, иногда эвакуировали из опасных мест, а своих, разведчиков, – обязательно. Делали это просто, очень спокойно, словно всю свою жизнь были по крайней мере фельдшерами, санитарями... Выносили своих тяжелораненых от противника».

Солидарность – социально значимое качество, очень важное в практике выживания в социальном пространстве войны. Одним из факторов поддержания солидарности выступали обстоятельства самой войны. Фронтные условия характеризуются постоянной смертельной опасностью, быстрой изменчивостью (нестабильностью), хроническими эмоциональными и физическими перегрузками. Что же может помочь человеку в такой ситуации? Как выжить в столь зыбком, разрушающемся мире? Необходима опора на что-то устойчивое и стабильное. И фронтная общность порождает (актуализирует) такие качества как солидарность и взаимовыручка, которые становятся ресурсом дополнительной силы и жизнестойкости воина.

Солидарность сплачивает коллектив, делая его намного сильнее. Она проявляется не только в бою, но и в других сторонах армейской жизни. Борис Николаевич описывает два случая неосторожного обращения с оружием. Один из сослуживцев – детдомовец Борис Косолапов «имел привычку палить

из автомата или пистолета во все четыре стороны. Из-за чего однажды был результат: с направления его стрельбы шел раненый в руку солдат, еще не попавший на фронт. О Косолапове молчали, хотя в полку и проводилось расследование».

Второй из указанных случаев произошел намного позже с другим воином, когда после успешного боя в захваченном вражеском доте по оплошности был ранен свой офицер. И опять никто из очевидцев случившегося не выдал однополчанина. Это своеобразное солдатское противостояние репрессивной системе тоталитарного общества того времени многого стоило! При трудности, малодушии кого-либо из свидетелей происшествия жестоко был бы наказан не только виновник, но и все остальные. Солидарность имела свои положительные последствия для автора биографии: «Однажды, когда на рассвете обнаружили минное поле и обозначали подручными предметами мины, Борис [Косолапов] спас меня. Я в сумерках не заметил замаскированную мину и уже наступал на нее, сержант Косолапов с силой толкнул меня – кричать, предупредить об опасности уже было поздно».

Как конструировалась и поддерживалась солидарность в солдатской среде? Война устраняет многие социальные границы между людьми. Она порождает особый тип равенства – равенство окопных солдат перед смертью. Но это лишь предпосылка для солидарности, ресурс которой используется не для того, чтобы умереть, а с целью выживания. Единодушие, общность интересов формируется в дружеских беседах в минуты затишья, когда воины вспоминали родных, дом, мирную жизнь. Оно рождается в общей душевной песне. В ходе неспешных разговоров, как правило, происходила кристаллизация единой точки зрения по каким-либо вопросам. Гомогенность же мнений – одна из характеристик солидарности. Символически важную роль для поддержания общности играют совместные солдатские трапезы, описания которых мы встречаем на страницах биографии ветерана. Упрочение социальных связей происходило и благодаря письмам, которые писали своим фронтовым товарищам из госпиталя раненые бойцы.

Война и армия воспитывают неприхотливость и выносливость. Полк Бориса Николаевича прибыл на станцию Елец. До второй линии обороны – места своей дислокации, шли пешком: «Отсюда марш-бросок. 25 километров не такая уж дистанция. Но к самому финишу зарябило в глазах: два дня назад был последний сухарь». Молодым воинам трудно было себе представить те нагрузки, которые им предстоит испытать в будущем: «Утомление сильнейшее: не спишь, не до еды, нужно выполнять в сутки по три и больше задач. Во взводе осталось совсем мало людей»; «в часы действий среди гибельной опасности забываешь усталость, не до еды, не реагируешь на бессонную неделю, не замечаешь холода и заледеневшей одежды».

Борис Николаевич – разведчик. А вся жизнь разведчика проходит под открытым небом. Жару и дождь в расчет не брали. Намного труднее было в зимнюю стужу. И, тем не менее, солдаты не болели. Ветеран припомнил только один случай, когда возникла необходимость госпитализации не по ранению. В биографии рассказывается о командире полка, который отбывает с фронта на лечение в связи со старым обострившимся заболеванием. Существует фольклорное объяснение этому феномену: «Солдат болеет не во время войны, а после нее». Но на страницах биографии мы находим еще одно не проговоренное объяснение – колоссальные потери (солдат не успевал заболеть). При освобождении Орловской области погибло по официальным данным 450 000 солдат (и это приблизительно за три месяца!). Полк ветерана на-

считывал весной 1943 г. 2 тыс. чел., а вот, что осталось к началу осени того же года: «Товарищей остается все меньше. Из ветеранов полка – все один командир роты старший лейтенант Морозов, помощник командира взвода старший сержант Иванов. Трогательную и прочную нашу дружбу помню всегда. Все это осталось в душе, но их нет: Морозов, как узнал позже, дошел до Днепра, погиб в 1944 г., Иванов, помню, выбыл по ранению до Рогачева».

Солдата в армии не берегли у нас никогда, а тем более в экстремальных условиях войны. Борис Николаевич с горечью вспоминает о разведках боем, которые приводили к страшным потерям. Солдаты гибли, но выполняли приказ. Одним из качеств, которое формирует армия, является дисциплинированность: «Ожидал ли тогда под ногами взрыва мин? Не помню: возможно, надеялся. А скорее – было уже все равно, потому, что – *надо!*». Одна дисциплина не принесет успеха. Великую Отечественную войну наш народ выиграл благодаря самоотверженности, стойкости и мужеству. Формированию этих качеств у человека также способствовала армия: «Увидели цепи вышедших в атаку немцев.... И метрах в 120, как из-под земли, выскочили мы. Стреляем, бежим на врагов.... Безостановочное наше движение вперед – бег и стрельбу – фашисты не выдерживают. Меняют курс ровно на 180 градусов. Тут можно сравнить с летчиком - истребителем, который идет в лоб на самолет врага, не сворачивая до последнего, и силой своей воли побеждает».

Служба в армии помогает формировать у индивида патриотизм. Это качество, с нашей точки зрения, сыграло решающую роль в победе нашего народа в Великой Отечественной Войне: «Предполагаю, что и сейчас повсеместно утверждаемое даже теми фронтовиками, которые на расстоянии были от боевого соприкосновения с врагом, вдали от атак, и их не видели, кроме, как в кино: - В войну солдаты ходили в атаку с возгласами «За Родину, за Сталина!» - есть фикция, перекочевавшая из художественных вымыслов о «великом вожде». Когда нужны решительные действия, а по тебе такой огонь, да на минном поле, и проволока перед тобой – нет времени произносить тирады. Просто вошли в атаку, чтобы освободить Родину».

Итак, анализ социализации личности в условиях военных действий, который проведен с использованием биографии ветерана Великой Отечественной Войны Бориса Николаевича Проскурина, позволяет сделать следующие выводы. Человек по настоящему счастливым бывает лишь среди людей. Недаром изоляция – это наказание. Современное общество стремится к атомизации. За возможность реализовывать свою индивидуальность человеку приходится дорого платить. Он становится все более одиноким. Состояние современного человека очень емко было охарактеризовано в одной из недавних телевизионных передач писателем М.М.Жванецким: «Не нарушайте моего одиночества и не оставляйте меня одного».

Война насильственно «возвращает» общество в исходное состояние «первобытной дикости», реконструируя (актуализируя), в том числе, солидарность как одну из существенных характеристик такого общества. Как бы это парадоксально не звучало – война делает человека в каких-то аспектах более человечным. Она позволяет ему испытать целый комплекс сильных позитивных ощущений, порождаемых солидарностью, взаимовыручкой, фронтовой дружбой. Взаимоотношения людей перед лицом постоянной смертельной опасности во многом проще, они «очищаются» от цивилизационных наслоений, становятся «прозрачнее», а тем самым, понятнее. Молодые ветераны, возвращаясь к мирной жизни, испытывают своеобразную «жажду социальности».

К тому же на войне система социальных связей индивида сужается. Реже возникает чувство неудовлетворенности из-за того, что чего-то в данный момент не успел, не сделал, сделал не так.

Неудивительно, что многие воины, прошедшие военными тропами, долго не могут адаптироваться к мирным нормам социального взаимодействия, чувствуют себя потерянными и одинокими вне армейского братства. А ведь военных конфликтов не становится меньше. Хотя угроза полномасштабной войны на ближайшие десятилетия, с нашей точки зрения, минимальна, однако вероятность локальных вооруженных столкновений лишь нарастает. И поэтому проблема их социализации, полной адаптации к мирной жизни, должна стать одной из важных социальных задач.

М.Н. Начаткин (Екатеринбург)

Иван Ильин о воспитании подрастающего поколения

Известный русский мыслитель Иван Александрович Ильин (1883-1954) цель своей жизни видел в служении делу Божьему на земле, в служении России: «Кто бы я ни был, каково бы ни было мое общественное положение, - от крестьянина до ученого, ... - я служу России, русскому духу, русскому величию; - не “мамоне” и не “начальству; - не личной похоти” и не “партии” - но именно России, ее спасению, ее строительству ...» [1, с. 222]. В своих работах он придавал большое значение проблеме воспитания подрастающего поколения. В постсоветская Россия нуждается в новом, предметном воспитании русского духовного характера: «Душевный уклад должен быть обновлен, ... должен завязаться и окрепнуть новый русский национальный характер, укрепленный во Христе, сердечный и волевой, достойный и прямой, без изворотливо-живой хитрости и с живым чувством духовного ранга. В русской душе должен быть преодолен раб; в ней должно начаться новое гражданственное свободное правосознание» [1, с. 118]. Ильин считал, что в системе воспитания нужно сделать упор на традиционные, проверенные временем духовные ценности народа. Он провозгласил идею национального воспитания. Историческая Россия строилась православной верой, национальным инстинктом, государственным чувством и правосознанием. Нужно перестать поклоняться и преклоняться чужим идеям и «вернуться к себе, к живым и драгоценным корням своей национальной культуры» [1, с. 118]. Только на основе традиционалистских глубоко национальных ценностей можно принять русскую идею с тем, чтобы осуществить ее в праве и государственной форме, науке, религии, культуре и труде.

Ильин был убежден, что «формальная “образованность” вне веры, чести и совести создает не национальную культуру, а разврат пошлой цивилизации» [1, с. 219]. Русского человека надо воспитывать в духовности и свободе, научить осознавать свою самобытность. Именно опора на традиционные духовные ценности - Бог, Родина, семья, помогала людям в страшные годы вражеских нашествий укрепиться духом. Причину революций, политических и социальных потрясений Ильин видел в планомерном отрыве людей от духовных корней, почвы: от религии, нравственности, национально-патриотического чувства. Неслучайно социалисты и анархисты ставили своей целью погасить в душах людей веру в Бога, разрушить храмы и осквернить святыни.

Мыслитель пришел к выводу, что есть только один путь возрождения России - обращение к духовным истокам. Этот вывод является актуальным